

Не менее полно и интересно собрание игр, включенных в сборник. Это и хороводные игры, и спортивные, и игры с приговорами, и т. д. Собиратель довольно подробно проследживает историю изучения жанра, пытается обозначить специфику белорусских детских игр.

Итак, перед нами фундаментальное собрание детского фольклора. Значение этого сборника выходит далеко за пределы белорусской фольклористики. Он в равной степени представляет интерес и для исследователей русского детского фольклора, прежде всего тем, что в детском фольклоре восточных славян много общего, что, кстати сказать, отмечает в предисловии Г. А. Барташевич, к тому же антологией подобного масштаба русские фольклористы пока не располагают. Более того, это одна из крупнейших антологий детского фольклора не только в восточнославянской, но и в славянской фольклористике в целом. Однако даже эта книга при всем богатстве и многообразии материала не отражает полной картины современного состояния белорусского детского фольклора. Вне поля зрения остались такие популярные жанры, как страшные истории, или страшилки, детские частушки и загадки, школьный и пионерский фольклор. Видимо, необходимо длительное собрание и кропотливое изучение детского фольклора, необходимы новые сборники. Радует то, что первые шаги уже сделаны. Одно из лучших тому доказательств — сборник белорусского детского фольклора.

Е. М. Гин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972, 474 стр.

Мунджанский язык относится к так называемым памирским языкам, входящим в состав восточноиранской ветви иранских языков. Памирские языки распространены на Памире и в Восточном Гиндукуше на небольшой территории, входящей в состав трех государств. Это Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР вдоль советско-афганской границы по правому берегу р. Пяндж, территория на левом берегу Пянджа (Афганистан) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (КНР). На памирских языках говорят всего около 60 тыс. чел. Большая часть памирских языков (шугнано-рушанская группа, ваханский, ишкашимский) представлена как в СССР, так и в Афганистане; язгулямский язык бытует только на территории СССР, мунджанский — только в Афганистане, сарыкольский — в Синьцзяне. Исследование памирских языков в широких масштабах началось в СССР сравнительно недавно, с конца 50-х годов, и ведется в настоящее время в Москве, Ленинграде и Таджикистане¹.

Рецензируемая книга — крупное событие, отражающее успехи, достигнутые в этой области.

Сложность изучения мунджанского языка заключается в том, что он бытует на территории Афганистана в труднодоступной горной области. Первые европейцы появились в Мунджане лишь в 1924 г. Это были советские ученые Н. И. Вавилов и Д. Д. Букнич. Литература по мунджанскому языку очень скудна. Несколько работ конца XIX в., посвященных этой проблематике, содержали весьма мало конкретных данных. В 1927 г. было опубликовано обстоятельное исследование И. И. Зарубина². Его книгу А. Л. Грюнберг называет «наиболее значительной из имеющихся до сего времени публикаций по собственно мунджанскому языку» (стр. 13). В ней дан подробный комментарий и мунджанскому тексту, имеются словарь и небольшой очерк фонетики и морфологии мунджанского языка. Необходимо также упомянуть работу известного норвежского ученого Г. Моргенстjerne³.

¹ В. С. Соколова, Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.—Л., 1959; Т. Н. Пахалина, Ишкашимский язык, М., 1959; В. С. Соколова, Барганские тексты и словарь, М., 1960; И. И. Зарубин, Шугнанские тексты и словарь, М., 1960; Д. Карамшоев, Баджувский диалект шугнанского языка, Душанбе, 1963; М. Файзов, Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966; Т. Н. Пахалина, Сарыкольский язык, М., 1966; Д. И. Эдельман, Язгулямский язык, М., 1966; В. С. Соколова, Генетические соотношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, М., 1967; Д. И. Эдельман, Язгулямско-русский словарь, М., 1971; Т. Н. Пахалина, Сарыкольско-русский словарь, М., 1971.

² И. И. Зарубин, К характеристике мунджанского языка, сб. «Иран», Л., 1927.

³ G. Morgenstjerne, Yidgh-Munji, «Indo-Iranian frontier languages», vol. II, Oslo, 1938.

Оба автора делали свои записи со слов выходцев из Мунджана — И. И. Зарубин в Таджикистане, а Г. Моргенштерне в Читрале (современный Пакистан).

В рецензируемой книге анализируются полевые материалы, собранные автором в результате работы среди выходцев из Мунджана, а также в малонисследованных районах Афганского Гиндукуша, где живет мунджаноязычное население. А. Л. Грюнберг, как он пишет в предисловии, начал заниматься мунджанским языком в 1966 г. (в то время он был переводчиком в геологоразведочной партии Министерства геологии и горного дела Афганистана). В 1967 г. он побывал в Мунджане в составе золотопроисковой партии и посетил все мунджанские селения, за исключением кишлака Хюлэй.

Важным итогом изучения мунджанского языка явилось выделение в нем трех говоров — нижнего, центрального и верхнего. Информаторы А. Л. Грюнберга сообщали ему, что в кишлаке Хюлэй бытует четвертый говор, но точных сведений о нем получить не удалось. Большинство приведенных в книге материалов относится к центральному говору, распространенному в селениях Спэзмина, Газ и Вильгва.

В нашей рецензии мы более подробно остановимся на приведенных в книге текстах, так как многие из них содержат интересные этнографические сведения.

Большой интерес представляет раздел, в котором приведено 11 сказок. Среди них волшебные, бытовые и сказки о животных. Вообще в Мунджане записаны главным образом волшебные сказки. А. Л. Грюнберг во введении к этому разделу пишет: «Специфически мунджанского сказочного фольклора, по-видимому, не сохранилось. Сказки бытуют как на мунджанском, так и на персидском языке, сюжеты большинства из них являются традиционными по крайней мере для всего Бадахшана» (стр. 18).

Сказки по объему не очень велики, большинство из них состоит из 30—35 предложений. Лишь в одной сказке — «Мудрая девушка» — насчитывается 85 предложений.

В следующем разделе помещено более 40 рассказов, записанных у местных жителей. Следует учитывать, что, публикуя сказки и рассказы, составитель преследовал чисто лингвистические задачи — представить образцы мунджанской связной речи. Тем не менее в опубликованных текстах содержится много интересных сведений о жизни местного населения: об истории края, отношениях с соседями, работе на рудниках.

Многие из опубликованных рассказов содержат важные для этнографов данные о хозяйстве мунджанцев («Скотоводство в Мунджане», «Год скотоводства», «Удобрение и орошение», «Жатва», «Охота»), об их пище («Курут», «Хлеб», «Пицца»). Большой интерес представляет описание обычаев, связанных с семейной жизнью мунджанцев («Рождение сына и обрезание», «Сватовство и свадьба», «Похороны»), а также очень любопытных с этнографической точки зрения местных праздников *стаджика*, *йимиди*, *кусмэлоу*. Первый из них — праздник мальчиков. Дети ходят по селению и собирают различную еду; ночью они веселятся в каком-либо доме, варят яйца, горох. Гуляя утром по селению, они поют песни *бибизук*, обычно на таджикском языке. Йимиди — женский праздник. Он устраивается три раза в год для женщин, вышедших замуж: один раз на Ноуруз (на Новый год), второй — в то время, когда созревает ячмень, и в третий — осенью. Молодая женщина получает в подарок 20 лепешек, масло, мясо. Кусмэлоу — праздник созревания ячменя. Во время этого праздника собираются вместе соседи и устраивается угощение.

Несколько текстов посвящено живущим по соседству с Мунджаном нуристанцам (кафирам). Для этнографа весьма интересно, как воспринимается совершенно особый быт этого народа их соседями-мунджанцами.

Публикуемые в книге тексты снабжены довольно подробными комментариями, в том числе и этнографическими. В этих комментариях показаны многие черты быта мунджанцев и других народностей Пригиндукушья.

В основу словаря, занимающего в книге более 130 страниц, легли материалы, которые автор собрал сам и почерпнул из литературы, главным образом из работ И. И. Зарубина и Г. Моргенштерне. В словарь включена почти вся мунджанская лексика, в том числе топонимика, географическая, ботаническая и зоологическая терминология, термины, отражающие быт мунджанцев. Все это придает словарю большую ценность как с точки зрения языкознания, так и этнографии. Анализ словаря показывает, что в мунджанском языке широко распространена афганская и персидская лексика. Последняя составляет около половины словарного состава, зафиксированного автором.

Не останавливаясь подробно на грамматическом очерке, помещенном в конце книги, отметим только, что это наиболее полное описание грамматического строя мунджанского языка в советской научной литературе.

В книге помещено 12 фотографий, сделанных автором в Мунджане: характерные для этой горной области ландшафты, местные жители в традиционной одежде, прялка, мельница, дом для гостей и т. д. Большую ценность представляет карта Мунджана с обозначением языков и говоров. На карту нанесен также маршрут, проделанный автором.

Выход в свет книги А. Л. Грюнберга — важное событие в востоковедении.

В. Н. Кисляков